

Г.А. Ильински

**О некоторых архаизмах и
новообразованиях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.А. Ильински**
О некоторых архаизмах и новообразованиях / Г.А. Ильински – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 136 с.

ISBN 978-5-517-98984-0

ISBN 978-5-517-98984-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

*Предлагаемые этюды не имѣютъ задачи всесторонне изслѣдовать какое — нибудь крупное, многосложное явленіе славянскихъ языковъ; ихъ цель гораздо скромнѣе — анализъ некоторыхъ **ОТДѢЛЬНЫХЪ** и, на первый взглядъ, второстепенныхъ формъ общеславянскаго языка.*

*Такой характеръ содержанія книги вызванъ исключительно-субъективными соображеніями. Выступая два года назадъ на тернистый и отвѣтственный путь самостоятельнаго научнаго изслѣдованія, мы не хотѣли и не могли сдѣлать предметомъ нашего изученія явленія **СЛОЖНАГО** т. е. такого, которое представляетъ комбинацію цѣлаго ряда другихъ столь же крупныхъ и сложныхъ по своему происхожденію и значенію явленій и факторовъ. Вѣдь такое изслѣдованіе требуетъ кропотливой выработаннаго лингвистическаго міросозерцанія и обширныхъ всестороннихъ знаній, и филигранно-тонкихъ методовъ. На все это авторъ, какъ начинающій, не могъ претендовать. Поэтому, сначала изъ чисто педагогическихъ цѣлей онъ обратился къ изученію такихъ явленій славянскихъ языковъ, которыя, будучи одиноки и исключительны по своей природѣ, уже въ видѣствіе этого одного, были больше доступны непосредственному анализу. Таковы были, напр., старославянскій оборотъ не прѣдметъ дѣлти, категорія именъ на -t, формы род. пад. чьсо*

и т. д. Ихъ совершенно изолированное въ славянскихъ языкахъ положеніе освобождало насъ отъ необходимости различенія отъ связанныхъ съ ними иногда даже неродственныхъ явленій (что въ изсмьдованіяхъ больше общаго характера бываетъ едва-ли не самой главной трудностью), но позволяло намъ прямо приступить къ рѣшенію главному вопросу исторической лингвистики: представляетъ-ли данная форма новообразование славянскихъ языковъ, или архаизмъ? Рѣшая этотъ вопросъ при помощи славянской сравнительной грамматики, мы приходили къ выводамъ, которые повидимому показывали, что изсмьдуемая форма представляли только мнимыя исключенія въ ряду другихъ: въ дѣйствительности, каждая изъ нихъ являлась лишь звеномъ кожда — то цѣльной, но теперь разорванной цѣпи однородныхъ явленій. Мало того въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже бывало возможно указать и на другія сосѣднія звенья, сохранившія свое употребленіе донынѣ, хотя и въ другомъ видѣ и для другихъ цѣпей. Такъ, оправдывались извѣстныя слова Гёте:

*Alle Gestalten sind ähnlich und keine gleichet der andern,
Und so deutet das Chor auf ein geheimes Gesetz.*

Предлагая эти выводы на проверку спеціалистовъ, мы, конечно, далеки отъ мысли считать нашу аргументацію убѣдительною во всѣхъ отношеніяхъ. Но въ научной литературѣ, какъ и во всякой другой большой лабораторіи, и неудачные и несовершенные опыты бываютъ порой необходимы хотя бы только какъ ступень больше удачныхъ и совершенныхъ.

Не всѣ предлагаемые этюды являются новостью въ литературѣ. Нѣкоторые изъ нихъ уже были напечатаны въ изданіяхъ »Живая Старина« (1900 г., № этюдъ I.), въ Извѣстіяхъ отд. русс. яз. и слов. Имт. Ак. Н. (1901, №2 этюдъ V.), въ »Сборникъ Галицко-

русской Мат.» (1901, N1 этюдъ VI.) и др. Присоединяя эти этюды къ написаннымъ въ Прагѣ, мы, конечно, сдѣлали въ нихъ рядъ измѣненій, исправленій и дополненій. Переработки прежнихъ этюдовъ и составленіе новыхъ совершались въ Прагѣ, и сравнительно-скорымъ ихъ окончаніемъ мы обязаны широкому содѣйствію въ нашихъ занятіяхъ бібліотекаря Музея Чешскаго Королевства А. О. Патеры и его помощника д-а профі. Ч. Зибурта. За эту помощь на родной чужбинѣ мы и приносимъ имъ нашу глубокую благодарность. Не можемъ не вспомнить здѣсь съ признательностью и нашего учителя ак. В. П. Ламанскаго, которому мы обязаны, между прочимъ темой нашего перваго самостоятельнаго изслѣдованія, а также профессоровъ П. А. Лаврова и П. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ за ихъ содѣйствіе въ нашемъ заграничномъ путешествіи, столь облегчившемъ составленіе нижеслѣдующихъ этюдовъ.

ПРАГА, 27. января 1902.

Авторъ.

ЭТЮДЪ ПЕРВЫЙ.

ОБЪ ОДНОМЪ СТАРОСЛАВЯНСКОМЪ ОБОРОТѢ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ
СОВРЕМЕННЫХЪ СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

Загадочный характеръ оборота любви дѣлти. — Склонность славянскихъ языковъ къ замѣнѣ именительнаго п. винительнымъ. — Гипотезы Миклошича, Гейтлера, Яича, Бруманна и Брандта. — Доказательства существованія въ общеславянскомъ языкѣ слова любовь. — Вопросъ о его первоначальномъ значеніи.

Употребленіе именительнаго падежа вмѣсто винительнаго въ выраженіяхъ любви дѣлти, творити, сътворити (греч. μοιχεύειν, лат. adulterium esse) представляетъ въ синтаксическомъ значеніи явленіе крайне загадочное. Встрѣчаясь только въ этомъ оборотѣ почти во всѣхъ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ, онъ находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ извѣстной склонностью славянскихъ языковъ замѣнять въ категоріи основъ на согласную -v не винительный падежъ именительнымъ, а наоборотъ, именительный — винительнымъ. Такъ, исключая случаи, гдѣ основы на согласную -v перешли въ склоненіе основъ на -a, въ русскомъ языкѣ мы постоянно имѣемъ въ именительномъ падежѣ любовь, церковь, и т. д., въ польскомъ *bukiew, cerkiew*, въ верхне-лужицкомъ *cyrkej, krej*, въ нижне-лужицкомъ *cerkvej, kšej*, въ чешскомъ *církev, krev*, въ словинскомъ *církev, krv*, въ сербохорватскомъ *љубав, црѣва*, наконецъ, въ болгарскомъ *любовъ, црѣвъ*. Правда, въ нѣкоторыхъ говорахъ русскаго языка встрѣчаются образованія на -ы, напр. *свекры*, *) но это слово только пови-

*) Vetter, Zur Geschichte der nominalen Declination im Russischen. Leipzig 1883. S. 67.

димому принимаетъ функцію винительнаго и, такъ какъ на самомъ дѣлѣ представляетъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ т. н. *nominativus cum infinitivo*, оборота, извѣстнаго и древнерусскимъ памятникамъ. Нерѣдка въ болгарскомъ и сербскомъ языкахъ форма винительнаго надежа ед. ч. *любѣ*, *любѣ*, обозначающая «возлюбленную», «любовницу», а въ словенскомъ форма *kri* («кровь») не противорѣчатъ указанной наклонности уже потому, что представляютъ *несклоняемыя* образования. Миклошичъ въ своей *Vergl. Gr.**) цитируетъ, напр., изъ «Османа» Гундулича три примѣра употребленія *ljubi* въ значеніи именительнаго надежа ед. ч., три — въ значеніи родительнаго ед., одинъ — въ значеніи винительнаго ед., одинъ въ значеніи мѣстнаго п. ед., два — въ значеніи творительнаго ед., два — въ значеніи именительнаго множ. ч. и два — въ значеніи винительнаго множ. Подобныя же несклоняемыя формы слова *kri* тотъ же ученый указалъ въ сочиненіяхъ Трубера и Богорича,**) а г. Фр. Курелацъ такую же форму *kami* въ стихотвореніяхъ Ветранича, Лучича, Налешковича, Дивковича, Пальмотича и Газаровича.***)

Итакъ, всѣ живыя славянскія нарѣчія замѣняютъ именительный над. основъ на *-v* винительнымъ. Этотъ фактъ, самъ по себѣ, еще не исключаетъ возможности, чтобы старославянскій языкъ поступалъ въ извѣстныхъ случаяхъ и обратно, если бы и въ его памятникахъ не попадались совершенно аналогичные случаи. Уже въ древнѣйшихъ среднеболгарскихъ рукописяхъ, являющихся органическимъ продолженіемъ старославянскихъ, довольно часты формы именительнаго надежа вродѣ *любовъ* въ Слѣнченскомъ апостолѣ XII в., *црьковъ* въ Струмичкомъ Октоихѣ XIII в., *любовъ* въ Македонскомъ апостолѣ XIII в., *црьковъ* въ Берлинскомъ Сборникѣ XIII в., и мн. др. †) Подобныя же явленія извѣстны и старославянскимъ памятникамъ. Не говоря уже о формахъ именительнаго надежа основъ на *-n* вродѣ *кѣмь*, *корсь*, встрѣчающихся, кромѣ Супрасельской рукописи, рѣшительно во всѣхъ старославянскихъ рукописяхъ ††), яснымъ дока-

*) В. III², S. 242.

**) Тамъ же, S. 141.

***) *Stariji oblici samostavni*. Rad, knj. XX. (1872), str. 145—146.

†) Kalina, *Studyja*, t. II., str. 432.

††) Именно, форма *кѣмь* семь разъ встрѣчается въ Зографскомъ Евангелии, четыре — въ Ассемановомъ, одинъ — Маринскомъ, одинъ —

зательствомъ исконнаго вліянія въ нашей категоріи винительнаго пад. на именительный служить форма *крьвь*, вытѣсненная форма именительнаго **крь*, о которой мы знаемъ только изъ полабскаго, польскаго и словинскаго языковъ, едва-ли еще не въ эпоху Кирилла и Меодія. Правда, процессъ вытѣсненія формы именительнаго пад. винительнымъ, повидимому, не коснулся другихъ словъ той же категоріи; но что и здѣсь первый падежъ не остался совершенно безъ вліянія второго, доказываетъ такое образованіе, какъ *смокви*, встрѣчающееся въ Супрасльскоѣ рукописи и представляющее своеобразную контаминацію именительнаго падежа съ винительнымъ.*) Последний фактъ особенно драгоцѣненъ въ томъ отношеніи, что онъ ослабляетъ значеніе формъ именительнаго п. *кмы* и *плмы*, тринадцать разъ употребленныхъ въ Супрасльскоѣ рукоп. въ функціи винительнаго падежа.**) Такъ какъ во всѣхъ другихъ болѣе древнихъ памятникахъ именительный и винительный пп. находятся какъ разъ въ обратномъ отношеніи, и такъ какъ, съ другой стороны, именно только Супрасльская рукоп. не употребляетъ формы *любы* въ значеніи винительнаго п., — то очевидно, что употребленіе *кмы* и *плмы* въ этой функціи обязано въ послѣднемъ памятникѣ какимъ-то особымъ *діалектическимъ* условіямъ, анализъ которыхъ отвлекъ бы насъ здѣсь въ сторону. -

Составляя странную аномалію въ ряду другихъ формъ винительнаго п. основъ на *-v*, форма *любы* противорѣчитъ вмѣстѣ съ тѣмъ общей тенденціи славянскихъ языковъ передавать синтаксическія функціи именительнаго п. винительному, — тенденціи, весьма опредѣленно проявившейся (какъ показано Лескинымъ въ его знаменитомъ „Declination“) еще въ эпоху общеславянскую.

Уже одного *этого* факта вполне достаточно, чтобы возбудить подозрѣніе въ правильности обычнаго объясненія формъ *любы*, *прълюбы* въ нашемъ оборотѣ какъ именительныхъ пп. отъ

въ Ключовомъ, четыре — въ Супрасльскоѣ рукоп. и одинъ — въ Саввиномъ св.; форма *коремь* однажды употреблена въ Ключовомъ Сб. и трижды въ Супрасльскоѣ рип. (Scholvin, Beiträge zur Declination in den panonisch-slovenischen Denkmälern, Archiv, B. II. S. 521-522).

*) Scholvin, тамъ же, S. 514. Подобные же примѣры замѣчены Миклошигемъ въ среднеболгарскихъ памятникахъ (Vrg. Gr. III² S. 39) п. ак. Соболевскимъ — въ русскихъ (лекціи², стр. 177).

**) Scholvin, тамъ же, 528. Leskien Handbuch², S. 60.

основъ на согласную. *) Сомнѣніе это перейдетъ въ увѣренность, какъ только мы примемъ во вниманіе слѣдующіе факты:

Кромѣ винительнаго п. на -ъвъ и ѣ (въ нашемъ имено случаѣ), основы на -у употребляютъ иногда винительный п. на -ъве **). Послѣдняя форма, довольно частая въ другихъ случаяхъ, никогда не встрѣчается въ оборотѣ любви дѣлти. Это явленіе нельзя не признать очень страннымъ, если форма любви въ нашемъ выраженіи есть слово того же образованія, какъ, напр., во фразѣ Богъ любви есть.

Во вторыхъ, замѣчательно, что слово любви, вступая въ соединеніе съ другими словами, всегда переходитъ при этомъ въ категорію основъ на -о: ср. напр. любодѣлнине, прѣлюбодѣлнине; напротивъ, другія слова той же категоріи всегда сохраняютъ въ этомъ случаѣ слѣды своего согласнаго происхожденія. Напримеръ, отъ *кры мы имѣемъ множество словъ въ родѣ крѣкосушнине, крѣкворолитнѣ и т. п. При предполагаемомъ единствѣ обоихъ образованій, это явленіе, опять-таки, въ высшей степени странно. ***)

Въ третьихъ, въ Маріинскомъ Евангеліи дважды (Марк. X, 19 и Луки XVIII, 20) и Ассмановомъ однажды (Мато XIX, 18) вмѣсто прѣлюбви въ нашемъ оборотѣ употреблена форма прѣлювь. Подобнымъ образомъ въ Слѣнченскомъ Апостолѣ XII в. вмѣсто любви находимъ любѣ (во фразѣ лише ли же любѣ не сѣтвориши л. 84, стр. 6 сверху). Такъ какъ эти формы встрѣчаются въ совершенно разныхъ памятникахъ и при томъ на совершенно разныхъ мѣстахъ, то ихъ невозможно объяснить опиской, перешедшей изъ оригиналовъ по традиціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти формы находятся въ какой-то морфологической связи съ прѣлюбви, любви, но въ какой, — на этотъ вопросъ популярное объясненіе отвѣта не даетъ, да и дать не можетъ . . .

»Нарушеніе безъ всякой видимой причины строго соблюдаемой въ другихъ случаяхъ разницы между именительнымъ п. (любви) и винительнымъ (любви)« (Ягичъ) заставило нѣкоторыхъ ученыхъ искать болѣе рациональнаго объясненія явленію. Такъ, ак. Ягичъ

*) Оно принято и Лескинымъ Handbuch,³ S. 65 и Вондракомъ Altkirchen-slavische Grammatik, S. 171.

***) Scholvin, S. 522—525; A. Leskien, S. 65.

***) Указаніемъ на этотъ фактъ мы обязаны пр.-доц. П. А. Лосю, за что и приносимъ ему здѣсь нашу глубокую благодарность.

высказалъ мнѣніе, что любви въ соединеніи съ дѣяти не имѣеть ничего общаго съ основами на -*у*, но представляетъ или винительный п. мн. ч., или нарѣчіе отъ прилагательнаго *любъ* (ср. *илы*). Самый же оборотъ любви дѣяти знаменитый славистъ считаетъ аналогичнымъ съ извѣстнымъ выраженіемъ *илъ съ дѣтъ*.*) Противъ такого объясненія, во первыхъ, можно возразить, что, если бы любви представляло винительный п. отъ прилагательнаго, то послѣднее, конечно, получило бы форму средняго рода мн. ч., а не мужескаго; во вторыхъ, толкованіе любви и какъ нарѣчія не объясняетъ указанныхъ формъ *любъ* и *прѣлюбъ*. Гораздо болѣе правдоподобное объясненіе предложилъ Бругманъ, который видить въ окончаніи -*ы* нашихъ формъ совершенно правильный рефлексъ индоевропейскаго окончанія винительнаго п. согласныхъ основъ -*ит*.**) Но и эта гипотеза не проливаетъ свѣта на три указанныхъ особенности употребленія нашихъ формъ въ памятникахъ. То же слѣдуетъ сказать и о болѣе старой гипотезѣ Миклошича, видѣвшаго въ *прѣлюбъ* слабую ступень формы *прѣлюбы*, но неприведшаго никакихъ доказательствъ существованія въ старославянскомъ языкѣ именъ м. р. на -*ѹ****) Это мнѣніе совершенно догматически повторилъ и Гейтлеръ.†) Оригинальнѣе посмотрѣлъ на дѣло проф. Р. О. Брандтъ, пытавшійся объяснить -*ъ* въ *прѣлюбъ* какъ приравненіе къ косвеннымъ падежамъ.††) Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ онъ высказалъ и другое, — что *прѣлюбы* вѣроятно представляетъ основу на -*і* (ср. *идъ*, *зълъбъ*). Но авторъ упустилъ изъ виду, что это слово всегда пишется съ *ъ*, а не съ *ь*.

Но если любви и *прѣлюбы* въ соединеніи съ дѣяти не могутъ быть ни винительнымъ падежомъ на согласную основу, ни прилагательнымъ, ни нарѣчіемъ, то нельзя-ли въ нихъ видѣть формы отъ основъ на -*о*? Другими словами, не представляютъ наши формы образованій винительнаго п. мн. отъ существительныхъ **любъ*, **прѣлюбъ*?

Хотя въ старославянскихъ памятникахъ мы напрасно стали бы искать даже и признаковъ существованія такихъ словъ, тѣмъ не менѣе богатая данія лексическаго матерьяла живыхъ сла-

*) Мариинское ев. Спб. 1883, стр. 438.

**) Grundriss, II. S. 550.

***) Vergl. Gr. II, S. 60.

†) O slovanských kmenech na U od dra L. Geitlera. V Praze 1877, str. 37.

††) Грамматическія замѣтки, I. стр. 68.

вянскихъ языковъ указываютъ на то, что эти имена нѣкогда могли быть извѣстны и старославянскому языку.

Такъ, въ словенскомъ языкѣ довольно употребительно слово *ljúb*, -i, женскаго р., означающее «любовь». Творительный п. мн. ч. этого слова *ljúbti* встрѣчается и въ формѣ нарѣчія въ значеніи «произвольно». О древности этого слова не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ оно встрѣчается еще во Фрейзингенскихъ отрывкахъ.*) Правда, слово *ljúb* принадлежитъ къ категоріи основъ на -i, но что въ словенскомъ языкѣ могло существовать подобное же образование и на -o,—это доказываетъ слово *poljub* м. р. «ноцѣлуй» (Словарь Плетернишка). Это существительное образовано отъ глагола *poljubiti* «влибляться», «ирельщать», «дать ноцѣлуй». Слово *poljub*, въ свою очередь, дало начало существительному *poljubek*, м. р., которое сходится отчасти по формѣ, отчасти по значенію съ сербскимъ *пoлyбaц*. Последнее имя предполагаетъ существованіе и въ сербскомъ языкѣ слова *пoлyб*, тѣмъ болѣе, что и здѣсь существуетъ глаголь *пoлyбити* «цѣловать». То же понятіе лежитъ и въ болгарскомъ глаголѣ *пoлyбaмъ*.

Такииъ образомъ, въ южнославянскихъ языкахъ находятся хотя и малочисленные, но все-таки *положительныя* указанія на то, что въ нихъ нѣкогда существовало слово **lubъ*, склонявшееся по темѣ на -o и обозначающее, вѣроятно, «плотскую» или «чувственную любовь». Въ послѣднемъ насъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что глаголь *любити*, отъ котораго могло быть образовано существительное **lubъ*, во всѣхъ трехъ языкахъ обозначаетъ, главнымъ образомъ, «цѣловать», а въ словенскомъ — «правиться».

Гораздо меньше указаній даютъ южнославянскіе языки относительно существованія имени **preljubъ*. Косвеннымъ доказательствомъ его существованія служитъ словенское прилагательное *preljub* «слишкомъ пріятный» (Словарь Плетернишка), образованное отъ глагола *preljubiti* „vorgziehen“ „zu viel lieben“. Последній глаголь извѣстенъ и въ сербскомъ языкѣ, гдѣ обозначаетъ не только «чрезмѣрную любовь», но и, главнымъ образомъ, «незаконную», «преступную». Нельзя не сознаться, что это по-

*) Frisinské památky, vyd. Vondrák. Index.